

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ И.Н. РОЗАНОВА

Вступительная заметка, публикация и примечания

Н.А. Богомолова

Воспоминания Ивана Никаноровича Розанова (1874-1959) о Брюсове, опубликованные по крайней мере дважды [1], хорошо известны историкам литературы и используются в различных контекстах. Однако до сих пор не была проделана довольно существенная работа – не проведено сличение сообщенных в этих воспоминаниях фактов с тем, что можно достоверно установить, хотя такие возможности существуют. Мы надеемся такую работу довести до конца, а пока представляем ее фрагмент.

На протяжении значительной части своей жизни Розанов вел дневник. Отдельные его фрагменты использовались различными учеными [2], но как целое он не был до сих пор востребован. А между тем он помогает решить ряд загадок, задаваемых опубликованными текстами Розанова, в том числе и воспоминаниям и о Брюсове.

Следует учитывать также и такое немаловажное обстоятельство, что эти воспоминания претерпевали различные изменения. Тот вариант, который публикуется, был написан вскоре после смерти Брюсова и прочитан на «Никитинских субботниках» 15 ноября 1924 года [3]. Однако, как кажется, Розанов про него забыл, поскольку в дневнике 8 сентября 1945 года записал: «<...> заснул рано, но ночью проснулся и часа 2 или 3 не спал, думал о встречах с Брюсовым – припомнил 6 первых в последовательном порядке и в деталях. Решил прежде, чем писать всю книгу, написать о встречах с Брюсовым и в день годовщины смерти Брюсова прочесть в Лит<ературном> музее» [4], а через неделю, 14 сентября: «Неожиданно нашел подробную запись о том, как я посетил Брюсова» [5]. Однако несомненно, что эта запись лежит в основе воспоминаний, написанных в 1924 году и, следовательно, Розанов не помнил не только своего дневника, но и готовых воспоминаний.

Примерно через месяц, 10 октября 1945 года он произнес развернутую мемуарную речь, основанную на дневниковых записях, не в Литературном музее, а на вечере, устроенном Иоанной Матвеевной. Из дневника не ясно, был ли этот вариант записан или существовал только как устный, но существенно, что в него были включены дневниковые записи, хотя ту, о которой идет речь, он не читал, а пересказывал. Для полноты картины отметим, что еще дважды Розанов выступал на вечерах памяти Брюсова в Центральном доме литераторов 12 декабря 1948 года [6] и в Государственном литературном музее 13 декабря того же года [7]. Следует полагать, что в двух последних случаях говорил он приблизительно одно и то же.

В общем контексте воспоминаний о Брюсове записи Розанова представляют собой весьма интересное явление, многое проясняющее не только в истинном ходе событий, им описываемых, но и в тех моделях мемуарного текста, которым он вольно или невольно следовал. Дневниковая тетрадь 1914 года, по которой мы публикуем текст, хранится: НИОР РГБ. Ф.653. Карт.3. Ед. хр.16, записи расположены на лл.53-67. Мы ограничиваемся комментированием лишь личных имен, не слишком хорошо известных даже специалистам.

Февраль

13 Четв<ерг>. Звонил Брюсову. Нет его.

20 Четв<ерг>. В Уч<илище> Ж<ивописи> и В<аяния> говорят о предполож<ительном> увол<ьнении> Бурл<юка> и Маяк<овского>. Завтра совет.

21 Пятн<ица>. Днем посещение Брюсова. Об этом после. Вечером Совет в Уч<илище> Ж<ивописи> и В<аяния>. Исключ<ены> Бурл<юк>, Маяк<овский>, Каретн. Пощадили Дейкина <?>.

Посещение В. Брюсова

Я давно подумывал о том, не отнести ли мне мою книгу [8] Брюсову. На необходимость сделать это не раз указывал мне Н.М. Мендельсон [9], называя его maitr'ом современной поэзии¹.

---

¹ Сверху исправлено и не зачеркнуто: мэтр'ом в современной поэзии.

Кроме того, я сам бы не мог назвать другого человека, к<отор>ый казался бы настолько компетентным в русской лирике, как В. Брюсов, собиравшийся когда-то писать ее историю и заявлявший об этом печатно на обложке одной из своих первых стихотворных книжек (сообщ<ил>Ходасевич)...[10]

Живо помню я и такую сцену из времен моего студенчества (конца прошлого века). Зима. Время полночь. На улицах безлюдно. Трое молодых людей – один в штатском, двое других в студенческом – шли от Арбат<ской> площ<ади> к Воздвиженке... Было холодно. Морозило. Дул отчаянный ветер. У штатского пальто (было) не по сезону: без зимнего воротника. Он ежился. Как будто хотел с головой уйти в поднятый им вершковый воротник осеннего пальто. Молодые люди возвращались по домам с заседания литературного кружка, где штатский был выбран на этот вечер председателем... Было холодно. Дул отчаянный ветер. А молодые люди были уже на углу Воздвиженки и говорили в это время о поэзии... Студент, бывший постарше и годами и курсом другого и повыше своих спутников, говорил о том, что собирает материалы и готовится писать историю русской лирики, но тут же указывал, как много затруднений возникает перед тем, кто хочет взяться за эту задачу. Прежде всего трудно разыскивать сочинения старых поэтов, напр., поэтов XVIII в. Студент пониже и помоложе указал на «Русскую поэзию» Венгерова [11]. – Но ведь там многого нет, – возразил студент постарше. – напр<имер>, нет притч (?) Хераскова, а это самые его ценные произведения.. Херасков вообще был замечательным писателем, а у нас его совсем не ценят и не знают. Третий спутник – в штатском – председатель заседания поспешил согласиться с тем, что сказано было студентом постарше, младший студент согласился молча.

Студент постарше был Валерий Брюсов, молодой человек в штатском – его впоследствии заклятый литературный антагонист известный критик Ю.И. Айхенвальд, тогда только начинавший свою литерат<урную> деятельность... Студент помоложе – ваш покорнейший слуга... [12]

После этого вечера я встречался с Брюсовым редко. Чуть ли не могу указать все встречи наперечет... Два раза встретился в Худож<ественном> театре (тогда в Эрмитаже в Каретном

ряду») [13]. Один раз это было на первом представлении «Антигоны» [14]. Он подошел ко мне, и мы в антракте ходили с ним по зале.. Он выразил свое удовольствие, что находит во мне ценителя Художественного театра, говорил о «Чайке» Чехова [15], о Тригорине, декламировал по-гречески из «Антигоны». Один или два раза был я у Брюсова в его доме на Цветном бульваре. При мне был Е.Д. Жураковский... [16] Кажется, должно было состояться заседание нашего литературного общества, но никто, кроме Жураковского и меня не пришел. Брюсов говорил о новом французском поэте Кане [17], о Эдгаре По², о Тютчеве (у меня есть все издания его сочинений, заявил он при этом), декламировал стихотворение Тютчева «О как на склоне...», Майкова «И Ангел мне сказал...» (позднее у него самого «А мы, мудрецы и поэты») и свой перевод одного стихотворения из Метерлинка «Вам 15 лет, моя сестра», впоследствии им измененный. Я указал ему звукоподражательный стих у Шиллера как заговор «Segel sind beseelt» [18]. Показывал Брюсов и «фотографии духов»...[19]

Все это относится еще к студенческим воспоминаниям. Потом я стал видеть Брюсова гораздо реже. 2 раза на собраниях у бывших филологов – у Е.И. Вишнякова [20], у Н.Д. Филиппова [21]. Е.И. Вишняков, преподаватель истории, был тогда воспитателем или преподавателем сына кн. Петр. Ник. Трубецкого, московского предводителя дворянства, который снимал целый дом на Знаменке, у гр. Бутурлина, где потом помещалась гимназия Сперанского (с Кирпичниковой) для детей обоего пола.. Сам П.Н. Трубецкой был потом убит в Кисловодске из ревности студентом Кристи [22]. Вишняков имел тогда в доме князя большую комнату, но помещалась она внизу и, помнится, к ней вели из передней и коридора ступени две вниз... Была она в полуподвальном этаже. Из гостей, бывших тогда у Евг.Ив. Вишнякова, помню только Брюсова и Саводника... И то только потому, что помню, как по выходе от Вишнякова они в Знаменском переулке говорили о поэте Случевском. О чем говорили у Вишнякова, также не помню... Уцелело только то,

---

² Вписано с непонятным отнесением: о драчливости голубей.

что я указал Брюсову на нравившееся мне тогда стихотворение Скитальца.. «Колокольчики бубенчики звенят». Брюсов прочел стихотворение (про себя, по книге) и заметил, что оно ему не нравится. С кем-то из присутствующих Брюсов играл после этого в шахматы. Бранил Викторова, не Д.В., а другого.

У Ник.Дм. Филиппова я был по его приглашению, когда он собирался издавать журнал под названием «Звенья» [23]. Он просил моего сотрудничества. Фельетоны должен был писать какой-то Яхонтов (брюнет маленького роста с большой шевелюрой, филолог, еще студент или уже кончивший). На него Филип<пов> возлагал большие надежды, особенно ценил его едкость его пера <так!>. Хозяйственную часть должен был вести какой-то Сергеев, молодой человек, будто бы уже опытный в подобного рода делах.... Совещание об этом было днем, но я как-то задержался до вечера.. Как-то не хватило решимости встать и уйти: прескверное моральное состояние. Пришел Брюсов. В этот вечер он мне ужасно не понравился... Только что получено было известие о покушении Карповича на Н.П. Боголепова... [24] Кто-то из присутствовавших (кажется, Сергеев) был сам в этот день в Петербурге и передавал некоторые подробности.. Об исходе ран можно было строить различные предположения...

«Я постоянно давно уже слежу по газетной хронике за убийствами, – сказал Брюсов, – и прихожу к выводу (Брюсов, кажется, сказал «печальному выводу», но тон был сожаления, что это так), что люди совершенно разучились убивать друг друга». После этой фразы Брюсов стал мне глубоко несимпатичен.

Еще как-то перекинулся я несколькими фразами с Брюсов<ым> в литературно-худож<ественном> кружке, в читальне... Тогда только что появился в «России» фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы», за к<отор>ый газета и сам автор подверглись правительств<енной>каре [25]. В кружке живо говорили об этом (помню прис<яжного> пов<еренного> И.Н. Сахарова [26], к<отор>ый держал в руках № газеты и комментировал). Кажется, получасом раньше был там в читальне Брюсов. Разговор зашел о Ив. Бунине... Брюсов довольно сухо заметил, что Бунин не поэт, но распространяться об этом не стал, сказав, что последнее время слишком часто приходилось ему говорить об этом.

Несколько лет мы ограничивались с Брюсовым только поклонами.

В прошлом году мне пришлось оказать ему маленькую услугу... Неожиданно является ко мне А.М. Кожебаткин – издатель «Альционы» (я его сначала не узнал, т.к. он, раньше бритый, отпустил усы) и просит на короткий срок одолжить ему для В. Брюсова «Эротическ<ие> стих<отворения>» Маркевича, где много переводов из Парни [27]. Я исполнил эту просьбу. Кожебаткин обещал вернуть книгу через 3-4 дня. Прошло около месяца. Как-то раз я с Б.З. Наркирьер был в Лит<ературно>-Худ<ожественном> Кружке на представлении «Незнакомки» Блока. На лестнице встречаю Брюсова. Я спросил его, у него ли мой Маркевич. Он отвечал, что давно вернул ее Кожебаткину и что он, Брюсов, очень благодарен мне за эту услугу. Меня поразила появившаяся в висках у него седина.

По выходе в свет своей «Русской Лирики» я хотел было *послать* свою книгу Брюсову с письмом, где напомнил бы ему описанный мной эпизод из студенч<еской> жизни... «Вы собирались написать Историю рус<ской> лирики.. Я долго терпеливо ждал исполнения этого обещания, но годы шли, желанная книга не появлялась.. Тогда я стал готовить к печати свои наблюдения, свои очерки рус<ской> лирики... Вы, конечно, исполнили бы эту задачу лучше меня. Но если моя книга плоха, браните самих себя: я, м<ожет>б<ыть>, написал ее в отместку вам за неисполненное обещание...» Потом я передумал.. Письма в подобном роде решил не писать, а занести ему лично. Для этого я в четверг на Масленице звонился к нему, но мне сказали, что он еще не приезжал из санатории, но на днях будет [28].

21 февраля я прочитал в газетах, что накануне в четверг 20 февр<аля> Брюсов выступил в «Свободной эстетике» [29]. Я сообразил, что ночевать он должен, конечно, в Москве и вряд ли на другой день рано будет иметь возможность выбраться. Тем более, что встает он (по крайней мере, так говорил брат [30]) поздно (по телефону от 12 до 2).

Звонил во 2-ом часу.. Минута, другая – молчания... Чей-то голос спрашивает, кто говорит. Я называю себя и прошусь, могу ли я застать его в этот день. Он ответил, что очень рад будет, хотя и очень занят. «Сегодня как раз я целый день буду дома...» Я

предлагаю назначить любое время. Он отвечает: «Когда вам удобнее...» Я заявляю, что приеду через час. Он говорит, что к этому времени ждет Ив.Ив. Попова (директора Художественного кружка), но что это нам не помешает.

Около 3 ч. слезаю с трамвая к дому, где он живет, на 1 Мещанской. Настоящий замок. Фамилии владельца не обозначено, но на доме табличка: строил архитектор Чагин. Ворота закрыты. Двор не отворяется. Звонюсь, раз, другой, третий... Вспоминаю, как кто-то мне говорил, что Брюсов почти недосыгаем в своем средневековом замке... Думаю, что же мне делать. Замечаю наверху двери кнопку, передвигаю ее, – дверь отворяется... Звонюсь у подъезда и мне тотчас отпирают, и в переднюю вслед за горничной выходит сам Брюсов.

Повел в кабинет. Получив книжку, стал просматривать оглавление, делая замечания и издавая восклицания по поводу встретившихся там имен. «Петров!» – и продекламировал стих из него. «Херасков!» – «Надо, надо говорить о нем. Очень интересный писатель и совершенно не оцененный». «Державин!» – «А вы читали очень хорошую статью о нем в "Софии"? [32]» Нелединского он назвал без всякого замечания, о Капнисте небрежно отозвался, что не любит его, о Камеене. – «Вот этого поэта я мало знаю». Перед Попугаевым остановился в недоумении: «Совсем не знаю». И спросил меня, что это за поэт. Дошедши до Жуковского, он с силой и оживлением стал говорить о нем. «Надо о нем говорить. Ведь нас всех обманули его строки Пушкину: "Ученику-победителю от побежденного учителя". Но ведь это неправда! Жуковский не был побежден Пушкиным». Из последующих поэтов его внимание остановилось на Востокове. «А разве он писал стихи?» ** Затем я спросил его насчет предполагаемого его участия в Лермонтовском сборнике [33]. «Знаете ли Вы, – начал я, – о существовании в Москве "Общества Истории литературы"?» – «Как же, – живо возразил он, – и даже состою его членом» – «И ни разу не были?» – «Да, не был». (Потом я узнал от Ржиги, что членский взнос он всегда аккуратно вносит) [34]. «Лермонтова я очень люблю, – сказал Брюсов. – Но я уже написал статью о нем для издателя Каллаша и теперь пришлось бы повторяться [35]. А потом вы видите, что у меня делается» – и он показал на рукописи и статью на

ремингтоне. Еще шел разговор о Тютчеве (Не говорил ли о нем где Пушкин? – Только в черн<овом> наброске.), о Полежаеве по поводу того же... «А когда родился Пол<ежаев>?» – спросил он меня, стараясь отыскать его карточку в бланках, располож<енных> по карт<очной> системе (для его работы «Мнения Пушк<ина> о различн<ых> писателях» [36]), о Струйском, которого он похвалил (Кожебаткин, вероятно, отзывался о Струйском с его слов), о Теплякове сказал Бр<юсов> то, что я уже знал от Ходасевича [37]. Увидав на столе «Альциону» (альманах), я спросил о причинах запрещения [38]. «За мой рассказ», – сказал он. Он выразил сожаление, что у него нет другого экземпляра и не может дать мне эту книгу... (Я и не ожидал...) Затем я стал прощаться... Провожая, он поблагодарил за книгу и сказал: «Если у меня найдется время, я непременно напишу о ней рецензию» [39]. Я уже стал одеваться в передней... Как явилась жена Брюсова. Он познакомил меня с ней. «Жена предлагает Вам выпить стакан чаю». Я мгновение колебался. Потом согласился. Столовая. Ив.Ив. Попов. Разговор сначала о Полежаеве, Бенедиктове. В. Брюсов рассказал эпизод из воспоминаний Панаева, отзыв Пушкина о Бенедиктове, и не очень беспристрастно. Потом я заметил, что отзывы П<ушкин>а не всегда справедливы. Ф. Глинка все же не был «ижицей» в поэтах... Этот отзыв объясняется тем, что *тогда Гл<инка>* действительно ничего еще интересн<ого> не написал. Бр<юсов> не согласился со мной... «Ведь это он написал: “Кто Царь-колокол подымет...”» и т.д. Потом Бр<юсов> стал говорить о своем пребывании в С<анкт->П<етер>б<урге>. О памятнике Ник. Ник. Я упомянул о его стихот<ворении> «3 всадника» в «Рус<ских> Вед<омостях>» [40] – «Пробита брешь!» Бр<юсов> о встрече с В.В. Розановым в театре Фарс... Самом неприличном. «Что я там был, это неудивительно. Мне сам Бог велел (мысль верна, не выраж<ение>), но ему я удивился...» О Мережковском, о Петерб<урге> и Москве, футуристах. «Очарованный странник» в СПб. О Маяковском жена Бр<юсова> сказала: «Если он человек талантливый, то теперь ему самое время начать писать хорошие стихи: он уже известен».

Я спросил мнение Бр<юсова> о Большакове [41]. «Трудно теперь определить, – сказал Бр<юсов>, – но талант у него,

думается мне, есть <...>» «Он Бальмонтковского типа!» заметила жена Брюсова. Затем Бр<юсов> говорил о Кузьминой-Караваевой, поднесшей ему сборник плохих стихов [42]. Заговорили о доме для Худож<ественного> кружка. «Если вы не сдадите постройку дома подрядчику, я выхожу из директоров, иначе или я должен буду смотреть, как при мне крадут, или сам красть» [43]. При прощании Ив.Ив. Попов спросил, почему я мало бываю в Худож<ественном> Кружке...

Прощаясь, в передней Бр<юсов> говорил об изданиях Лерм<онтова>. «Я участвую в худшем, – заметил он. – Польстился на большее вознаграждение»...

ЛИТЕРАТУРА

1. Лит. наследство. М., 1976. Т.85. С.759-772. Публ. Е.А. Кречетовой; Розанов И.Н. Литературные репутации. М., 1990. С.420-432.
2. См., напр.: См.: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С.158-159; Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. М., 2005. Т.2. 1917-1920; То же. Т.3, кн.1 (по указателям); Дроздов В.А. Dum spiro spero: О Вадиме Шершеневиче, и не только: Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С.356-360; Галушкин А. Из разысканий об О.Э. Мандельштаме. 1. О.Э. Мандельштам в дневниках И.Н. Розанова (1921-1922) // «Сохрани мою речь...». М., 2008. Вып.4/1. С.173-175; Преображенский С.Ю. Русский формализм глазами традиционалиста (И.Н. Розанов о О.М. Брикке и МЛК) // Методология и практика русского формализма: Бриковский сборник. Вып. II. М., 2014. Широко использован дневник А.Ю. Галушкиным для составлявшейся под его руководством хроники: «Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. М., 2005. Т.1. Ч.1-2. Москва и Петроград. 1917-1920 гг.» См. также наши работы: К истории раннего бытования терминов «символизм» и «декадентство» в России // Русско-французский разговорник, или/ou Les causeries du 7 septembre: Сборник статей в честь Веры Аркадьевны

- Мильчиной. М., 2015. С.263-270; Два советских Лермонтова // Новый мир. 2014. №10. С.178-194; Пастернак в дневнике И.Н. Розанова // Russian Literature. 2015. LXXVIII – III/IV. С.655-678 (вторая статья готовится к печати); Разговор с Мариной Цветаевой: Из дневника И.Н. Розанова // Новый мир. 2016. № 4. С.181-192; Из советских эпиграмм 1930-1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2016, №138. С.368-373; Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова (1913-1923) // Russian Literature. 2016. 83-84. С.201-247; А.Ахматова в дневнике И.Н. Розанова (1914-1924) // Русская литература. 2016. №3. С.200-223.
3. См.: Лит. наследство. Т.85. С.760. Этот текст хранится: НИОР РГБ. Ф.653. Карт.10. Ед. хр.2; он позволяет восстановить несколько (немного) купюр, сделанных при публикации.
  4. НИОР РГБ. Ф.653. Карт.5. Ед. хр.6. Л.143. Книга, о которой идет речь, – задуманная, но в силу обстоятельств не осуществленная работа Розанова, вырвавшаяся из его университетского спецкурса о символизме. Она должна была называться или просто «Поэты-символисты», или «Записки современника. Четыре поэта-символиста». Несколько подробнее см.: Богомолов Н.А. К истории одного спецкурса // Acta Slavica Estonica, V. Блоковский сборник XIX. Тарту, 2015. С.145-151.
  5. Там же. Л.146 об.
  6. Пригласительный билет вклеен в его дневник (НИОР РГБ. Ф.653. Карт.5. Ед. хр.9). Рядом сделана помета: «Я рассказал “4 встречи с Брюсовым – студентом” (Л.190), а затем вклеена машинопись стихотворения Г.А. Шенгели «Валерий Брюсов» («Подобен панцирю затянутый сюртук...»).
  7. Машинописный пригласительный билет вклеен в ту же тетрадь.
  8. Речь идет о первой книге Розанова «Русская лирика: От поэзии безличной к исповеди сердца» (М., 1914).
  9. Николай Михайлович Мендельсон (1872-1934), историк литературы, близкий знакомый Розанова.

10. Объявление об «Истории русской лирики» печаталось в книгах Брюсова, начиная с первого издания «Chefs d'oeuvre» (М., 1895) до «Tertia Vigilia» (М., 1900) включительно. О взаимоотношениях Розанова с В.Ф. Ходасевичем см.: Богомолов Н.А. Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова // Russian Literature. 2016. Vol.83-84.
11. Речь идет об издании: Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов, частью в полном составе, частью в извлечениях, с важнейшими критико-биографическими статьями, биографическими примечаниями и портретами. Под ред. С.А. Венгерова. Т.1. Вып.1-6. XVIII век. Эпоха классицизма. СПб., 1897. Седьмой выпуск вышел в 1901 году и собеседникам еще не мог быть известен.
12. Этот эпизод вошел во «Встречи с Брюсовым» в значительно расширенном (хотя не содержательно) виде. Как следует из дальнейшего, разговор происходил после заседания литературного кружка у Б.А. Фохта 15 февраля 1897 года. См. в хронологии брюсовского дневника за этот день: «Веч^{ером} на литер^{атурном} кружке реф^{ерат} о Бальмонте» (НИОР РГБ. Ф.386. Карт.1. Ед. хр.14. Л.16).
13. Московский Художественный общедоступный театр первые 4 сезона (до 1902 г.) играл в помещении зала «Эрмитаж».
14. Спектакль по трагедии Софокла, премьера состоялась 12 января 1899 г.
15. Премьера «Чайки» в МХТ состоялась 17 декабря 1898 г.
16. Евгений Дмитриевич Жураковский (1871, по другим сведениям 1873-1922), литературовед, гимназический преподаватель. Отец священномученика Анатолия Жураковского (1897-1937). Несколько встреч с Жураковским зафиксировано Брюсовым в дневнике в 1898-1899 гг. 28 мая 1926 г. Розанов сделал в Государственной академии художественных наук доклад «Ранний Брюсов», причем в обсуждении зафиксировано: «Б.В. НЕЙМАН дает биографическую справку об упоминавшемся в докладе Е.Д. Жураковском и о его преподавательской деятельности в Киеве» (РГАЛИ. Ф.941. Оп.6. Ед. хр.36. Л.57а). Это

- позволяет предположить, что выступление Розанова было вариантом его воспоминаний, использующих публикуемую дневниковую запись.
17. Гюстав Кан (1859-1936), французский поэт, автор книги «Символисты и декаденты» (1902). В конце XIX в. его никак нельзя было назвать «новым».
  18. Розанов говорит о стихотворении Фр. Шиллера «Sehnsucht» (1802), где имеется строка: «Seine Segel sind beseelt» (в переводе В.А. Жуковского: «Паруса ее крылаты»).
  19. Об увлечении Брюсова спиритизмом см.: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С.279-310.
  20. Евгений Иванович Вишняков (1872-1942) преподавал историю в гимназиях, в том числе Н.Г. Щепотьевой и М.Г. Брюхоненко, где у него училась М.И. Цветаева. Окончил Московский университет одновременно с Брюсовым.
  21. Николай Дмитриевич Филиппов (1874-?), сын знаменитого булочника Д.И. Филиппова (1855-1908). О нем Розанов писал как о своем товарище по университету и выпускнике Поливановской гимназии (где учился Брюсов). Подробнее см.: Молодяков В.Э. Загадки Серебряного века. М., [2008]. С.348-352.
  22. Петр Николаевич Трубецкой (1858-1911), московский губернский предводитель дворянства в 1894-1906 г., впоследствии член Государственного совета. Владимир Георгиевич Кристи (1882-1946) был женат на Марии Александровне Михалковой (во втором браке Глебовой; 1883-1966). Однако он был не студентом, а гвардейским офицером.
  23. Об этих собраниях и замысле журнала «Звенья» читаем в дневнике Брюсова: «Бывал я еще на субботах у Н.Д. Филиппова <...>. О замышленном журнале "Звенья" почти и разговору не было. Собирались к Филиппову чуть ли не исключительно затем, чтобы пить его вина, ликеры и шоколад» (Брюсов Валерий. Дневники 1894-1910. М., 1927. С.101; запись датирована «февраль-март»).

24. Покушение на Николая Павловича Боголепова (1847-1901) произошло 14 февраля, 2 марта он умер. Для Розанова было существенно, что братом министра был его любимый гимназический учитель, историк Михаил Павлович Боголепов (1854-1912).
25. Фельетон А.В. Амфитеатрова (под его обычным псевдонимом Old Gentleman) появился 13 января 1902 г. Газета была закрыта, а Амфитеатров сослан в Минусинск.
26. Иван Николаевич Сахаров (1860-1918), присяжный поверенный Московского окружного суда, известный адвокат и литератор. Дед академика А.Д. Сахарова.
27. Александр Мелетьевич Кожебаткин (1884-1942), владелец издательства «Альциона», некоторое время был также секретарем издательства «Мусагет». Подробнее о нем см.: «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!»: Письма Андрея Белого к А.М. Кожебаткину. Пред., публ. и комм. Дж. Малмстада // Лица: Биографический альманах. Вып.10. Москва; Санкт-Петербург, 2004. Подробно об эпизоде с книгой см.: Богомолов Н.А. Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова. С.203-204.
28. Имеется в виду 13 февраля. Брюсов долгое время находился в санатории доктора Максимовича под Ригой, куда уехал через некоторое время после самоубийства Н.Г. Львовой, однако уже в начале февраля вернулся в Москву. В середине февраля (точные даты нам неизвестны) он ездил в Петербург для встречи с новой любовницей М.Вульфарт (подробнее см.: Лавров А.В. Символисты вблизи: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С.181).
29. См. в хронике: «Вчерашнее собрание Общества “Свободная эстетика” было посвящено почти всецело поэзии Вячеслава Иванова. Поэт прочитал несколько своих стихотворений, затем первую драму в стихах же из своей трилогии “Сыны Прометея”. Драма представляет во многом своеобразную обработку мифа о Прометее, по характеру приближающуюся к байроновским мистериям. В заключение Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов обменялись одами. Сначала В. Иванов прочел обращаемые им к В. Брюсову две оды “Лира” и “Ось”. В. Брюсов

- отвечал двумя же одами и под теми же названиями, построенными совершенно так, как оды В. Иванова. Все четыре оды объединены общим именем “Carmen Amedea” <sic!>. Поэты имели у аудитории – на этот раз малочисленной, – большой успех» ([Б.п.] В «Свободной эстетике» // Русские ведомости. 21 февраля 1914. №43. С.5). На деле цикл из четырех стихотворений Брюсова и Вяч. Иванова, написанных в январе 1914, назывался в первой публикации «Carmen amoebae». Подробнее см. в январских письмах Брюсова и Иванова друг к другу (Литературное наследство. М., 1976. Т.85. С.538-539. Предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова).
30. Матвей Никанорович Розанов (1858-1936), литературовед, впоследствии академик.
31. И.И. Попов (1862-1942), товарищ председателя дирекции Литературно-художественного кружка.
32. Грифцов Б.А. Державин // София. 1914. №1. В опубликованном тексте имя автора названо.
33. Речь идет о книге «Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник» (М.; Пг., 1914).
34. Материалы об Обществе были опубликованы в его сборнике «Беседы» (М., 1915. Вып.1). См. также: [Шруба М.] Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. М., [2004]. С.150.
35. См.: Брюсов Валерий. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Иллюстрированное полное собр. сочинений: В 6 т. Под ред. В.Каллаша. М., 1914. Т.2. С.1-16.
36. Такая работа не была написана.
37. См. во «Встречах с Брюсовым»: «...Валерий Яковлевич очень бранил Теплякова, на стихотворения которого Пушкин написал сочувственную рецензию...» (Литературное наследство. Т.85. С.769).
38. Альманах «Альциона» (Вып.1. М., 1914) был конфискован за рискованно эротический рассказ Брюсова «После детского бала». В том же году альманах вышел вторым изданием, где вместо рассказа было напечатано 4 стихотворения Брюсова.

39. Таковую рецензию он написал: Заметки: И.Н. Розанов. Русская лирика. М., 1914; Поэзия и проза: Размышления по поводу // София. 1914 ; 6. С.84-88.
40. Имеется в виду стихотворение «Три кумира» (Русские ведомости. 1913. 25 декабря, №297). Слова: «Пробита брешь!» относятся к тому, что это было первое стихотворение (статьи печатались и ранее), которое Брюсов напечатал в этой солидной либеральной газете.
41. К тому времени Константин Аристархович Большаков (1895-1938) успел издать всего две книги: «Lefutur» и «Сердце в перчатке» (обе – М., 1913), так что говорить о нем как об определившемся поэте было явно рано. Брюсов с интересом относился к его более поздним стихам.
42. Имеется в виду книга Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (впоследствии принявшей монашество под именем мать Мария и погибшей в гитлеровском концлагере) «Скифские черепки» (СПб., 1912).
43. О проблемах со зданием для Литературно-художественного кружка см.: Розенталь Е.И. Московский литературно-художественный кружок 1898-1918 гг. М., 2008. С.51-55.